

Дорогой Алексей Иванович, постараюсь ответить на Ваш вопрос.

Он – человек чрезвычайно умный и потому критику любит, ценит, очень обдумывает. Мелким самолюбием, к счастью, не ослеплен. *Хочет* критики. И, при этом, к сожалению, Вы попали в большую точку: с критикой неблагополучно.

Причины сложны.

Прежде всего: работает он по 12–14 часов в сутки. (Я не преувеличиваю.) У него «план», от которого он не отступает. В этот «план» входят и дни не рабочие, но они тоже наполнены и переполнены. Поэтому критиков своих он ставит в положение ответственнейшее, да и технически труднейшее. Не всякий способен выдержать требуемые темпы.

Но даже и не в этом главная трудность – во всяком случае, для меня.

Мой жизненный опыт, по сравнению с его, микроскопичен. Когда какая-нибудь его мысль, какое-нибудь обобщение, кажутся мне ложными – в ответ он опрокидывает на меня груды фактов и груды книг. Трудно критиковать, чувствуя свое невежество, свою неосведомленность в вопросах, на которых он, как говорится, «зубы съел».

У него не только жизненный опыт другой (и огромный), у него и *пути мысли* совсем другие. Даже к тому, в чем мы совпадаем, он пришел другим способом, по другой дорожке. Вот я, Ал. Иос., Туся, Фрида – все мы при разнице характеров, люди одного типа образования, уровня интеллигентности; мы на один и тот же манер, любим, скажем, стихи – и список любимых поэтов у нас в общем один, хотя и с вариантами.

Он любит вещи другие, нелюбимые нами или даже незнакомые нам, а нашими любимыми он не живет. И многого просто не знает. (Хотя вообще узнает всё, что хочет узнать, со сверхъестественной быстротой и легкостью. Он образован, но читает то, что ему нужно, а «просто так» – нет.)

Слух к языку гениальный. Вкус, на мой взгляд, недостаточный. Иногда на его суждениях видишь печать провинциализма, дурного воспитания, убогой среды.

Анна Андреевна когда-то говорила мне:

«– Лев Толстой, конечно, был полубогом, но иногда в него вселялся дух одной из его тетушек».

Так и тут. Гениальный ум – и вдруг вы чувствуете душевные и умственные навыки, суждения, всосанные с молоком матери в провинциальном южном глубоко обывательском городе. И становитесь в тупик от неожиданности и досады...

И еще одна беда с критиками: их поневоле *мало*. Хоть он и старается выслушивать *разных* людей, но – но – нелегко удовлетворить это желание.

Однако, повторяю, слушает он с жадностью, без предвзятости, и соглашается нередко.

Живет он трудно, очень жестоко к себе и доблестно. Оторвавшись от работы, приезжает в Москву по делам и старается в 3 дня прокрутить то, на что надо по меньшей мере дней 10. По улицам не идет, а бежит, с друзьями говорит скороговоркой: ему некогда, он торопится обратно, к прерванной работе, домой. От спешки и городской жизни, которую он не переносит, у него мгновенно повышается давление, он перестает спать... А домой надо привезти отсюда (кроме материала для работы) продукты: и вот он стоит в очередях, покупает колбасу, корейку, батоны (там, где он живет, нету этого), и больно бывает видеть, как он идет к метро с целым возом в руках и за плечами... Человек он – кремень, и если он не желает, чтобы вы ему в чем-нибудь помогли – ни за что не допустит, хоть умри. Если примет от вас какой-нибудь знак внимания, какую-нибудь пустую помощь, мелкий подарок – как рублем подарит. Если уж согласится в кои-то веки пообедать с вами или поужинать – это уж великое снисхождение, милосердие к вам. А то он всегда, в ответ на ваше предложение, уже обедал, сыт, ничего не хочет и всё у него есть. И не суйтесь.

А бывает – все эти суровости по боку, и веселый, открытый, как мальчик. И уж не смеется – хохочет. Я всегда вспоминаю в таких случаях строчки Блока:

Какое детское веселье
Зажгло суровые глаза.

Впрочем, на людях, при посторонних, он всегда носит маску бодрости. Утомленным редко позволяет видеть себя.

Всё это я пишу Вам, только Вам, дорогой друг, п. ч. я уже имею опыт, уже видела, как самые простые вести о нем превращаются в глупых устах в черт знает что и глубоко его ранят. А ран у него и так довольно, и без яда сплетен.

Если бы я верила в Бога, я молилась бы за него. А так – только могу непрерывно тревожиться – и то про себя... Вслух – запрещено.

1929-1987
М. Н. 10, 2011
с. 283-285